

— Решено.

Алекс поднял чайник и долил воды в их чашки.

— У вас ведь нет детей, а вы как раз подумывали о том, чтобы кого-то усыновить. Разве это не идеальный вариант?

— Усыновление — дело непростое, — вздохнул хозяин дома. — Разве можно решать такие вещи сгоряча?

— Мне показалось, он вам приглянулся, — заметил Алекс. — Или я ошибся?

— Ну что ты, конечно приглянулся! — поспешила заверить его хозяйка. — Он такой славный, разве можно его не полюбить?

— Я спросил его — вы ему тоже понравились, — спокойно продолжил Алекс. — Раз так, почему бы и нет?

— Да нет, дело не в этом... — Хозяин покачал головой и тихо вздохнул. — Я ведь вижу, что ты и сам к нему привязался. Зачем тогда отдавать нам? Да и малыш души в тебе не чаёт. Думаешь, он согласится остаться?

— Он провёл со мной немало времени, отсюда и привязанность, — ответил Алекс. — Поживёт у вас немного, привыкнет и станет считать вас своей семьёй. Все дети такие, не переживайте.

— А как же ты? — не отступала хозяйка.

— Я? — Алекс слегка улыбнулся. — Как и прежде, продолжу своё путешествие.

— Да я не об этом, а о твоих чувствах к Чжо Ланю, — мягко пояснила она. — Ты ведь тоже любишь его, верно?

— Я...

— Любишь, и отрицать это бессмысленно, — перебил его муж. — Знаешь, ты хоть и кажешься дружелюбным, но между тобой и остальным миром — даже нами — всегда стояла невидимая стена. Из-за неё ты кажешься чужаком, вечным странником, которому нигде нет места.

Алекс удивлённо приподнял бровь:

— Не думал, что ты столь проницателен. Похоже, я недооценивал твою чуткость.

— У меня есть глаза, и я умею ими пользоваться, — хмыкнул мужчина. — Но в этот раз, когда ты пришёл с Чжо Ланем, этой стены между вами не было. Не знаю, замечаешь ли ты сам, но... неужели тебе действительно не жаль с ним расставаться?

— Мои чувства и сожаления не имеют значения, когда речь идёт о его будущем, — покачал головой Алекс. — Ему нужен безопасный, тихий дом. Он заслуживает лучшего детства, и я верю, что вы сможете подарить ему настоящее счастье.

— А сам мальчик знает?

— Пока нет. Если мы сегодня обо всём договоримся, завтра я ему сообщу.

— Решил всё сделать в одиночку? — неодобрительно нахмурился хозяин. — А если он устроит истерику и наотрез откажется? Что тогда?

— Послезавтра я в любом случае уйду, — ровным тоном произнёс Алекс. — Со временем раны затянутся, он привыкнет.

— Звучит жестоко, хотя я понимаю — ты просто привык руководствоваться чистым разумом, — вздохнула женщина. — Но ведь можно остаться у нас ещё на пару дней. Помог бы малышу освоиться, поддержал его в первое время. Ему бы не пришлось чувствовать себя брошенным прямо с порога.

— Если я останусь... — Алекс на мгновение умолк. — Боюсь, у меня самого не хватит духу уйти.

— Ты о нём? — спросила хозяйка. — Да, он наверняка станет умолять тебя не бросать его. Малыш такой очаровательный, перед его слезами невозможно устоять. Боишься, что дашь слабинку и передумаешь?

Алекс ненадолго замолчал.

—... Возможно.

— Надо же, великий Алекс признал, что испытывает страх, — усмехнулся хозяин. — Я же говорю, этот ребёнок для тебя особенный.

— Так и есть, — тихо согласился Алекс. — Мне ещё никогда не приходилось так долго делить с кем-то кров, тем более заботиться о незащищенном существе. Он стал для меня бесценным, пусть и временным даром. Заботиться о нём — мой долг и моя величайшая радость. Когда он рядом, я ловлю себя на том, что постоянно думаю: не голоден ли он, тепло ли одет, счастлив ли, не болит ли у него что-нибудь.

— Похоже, тебе эта ноша была только в радость, — хмыкнул хозяин дома. — Не каждый ребёнок способен растопить лёд в сердце взрослого и заставить его проявлять бесконечное терпение.

— Я знаю. Но Чжо Лань совсем другой. — Алекс на мгновение помрачнел, его взгляд смягчился. — Сами поймёте, когда поживёте с ним. Он словно медовый бочонок — сладкий, ласковый. Ему хочется отдать всё до последнего, хотя сам он никогда ничего не просит. Он настолько послушный, что порой ловишь себя на безумной мысли: пусть бы хоть раз покапризничал или напроказничал.

— Господи, да в каждом твоём слове сквозит такая нежность, — покачала головой женщина. — И ты всё равно не хочешь задержаться?

— Нет, — Алекс горько и беспомощно усмехнулся. — Когда я говорил, что не смогу уйти... я имел в виду себя.

Супруги удивлённо переглянулись:

— Что?

— Если я останусь с ним ещё хоть немного, то просто не смогу отдать его вам или кому-то ещё, — тихо выдохнул Алекс. — Прежде одиночество казалось мне естественным состоянием, но за время наших странствий я привык к его присутствию, привык делить с ним дорогу. И мои прежние убеждения дали трещину...

— Тогда почему бы...

— Но я не имею права быть эгоистом, — перебил Алекс. — Я прекрасно знаю, что для него лучше стабильная, безопасная жизнь. Тащить его за собой в неизвестность ради собственного утешения — неразумно и жестоко. Он всего лишь ребёнок и не может сделать правильный выбор. Долг взрослого — принять это решение за него.

Маленький Чжо Лань тогда так и не узнал об этом разговоре.

Но сейчас взрослый представитель Кровного клана, непонятным образом провалившийся в зыбкое марево былых воспоминаний, наконец услышал эти слова.

Все эти годы Чжо Лань пребывал в неведении. Он свято верил, что когда-то Алекс пытался оставить его лишь потому, что глупый ребёнок мешал его вечным странствиям. Он думал, что опекун принял его по-настоящему лишь годы спустя, привыкнув и смирившись.

Ему и в голову не приходило, что Алекс с самого начала считал заботу о нём своим призванием и величайшим счастьем. И только теперь Чжо Лань осознал: этот холодный разум полюбил его

ничуть не позже, чем сам Чжо Лань привязался к нему.

Пусть тогда эта любовь ещё не превратилась в то зрелое чувство, которого Чжо Лань жаждал впоследствии, одного этого запоздалого открытия хватило, чтобы его сердце наполнилось ликованием.

Тяжёлый камень обиды, годами давивший на душу, наконец-то рассыпался в прах.

Чжо Лань медленно подошёл к Алексу. Он понимал, что не может коснуться этого призрака из далёкого прошлого, но всё равно наклонился и прижался своим лбом к его лбу.

«А я и не знал... — тихо прошептал представитель Кровного клана. — Оказывается, ты вовсе не хотел меня бросить».

Он не понимал, почему судьба явила ему это видение. Он мог бы пойти и взглянуть на себя маленького, но зачем, если здесь был Алекс?

Алекс скрыл от него так много... Из-за этой недосказанности в сердце Чжо Ланя на долгие годы затаилась глухая обида. Она не мешала его преданности и любви, но теперь, когда этот узел наконец развязался, он почувствовал невыразимое облегчение.

Представитель Кровного клана тихо опустился на пол рядом с Алексом, словно невидимый гость, чудесным образом разделивший с ними тот давний вечер.

— Что ж, — со вздохом прервала молчание хозяйка дома. — Вижу, переубедить тебя невозможно. Ты... наведишь его когда-нибудь?

— Обязательно, — ответил Алекс. — Но только тогда, когда он привыкнет к вам и перестанет ежеминутно меня вспоминать.

«Да разве я мог забыть тебя хотя бы на миг?»

Сидящий рядом Чжо Лань тихо, горько усмехнулся.

«Я думал о тебе каждую секунду своей жизни».

На следующее утро маленький Чжо Лань проснулся, сам умылся, наскоро позавтракал и послушно прибежал на зов Алекса.

Взрослый представитель Кровного клана застыл в стороне, прекрасно понимая, какой страшный приговор сейчас прозвучит. Хотя он помнил каждую секунду того дня, сердце его всё равно предательски сжалось от фантомной боли.

Он заворожённо смотрел, как Алекс ровным, безэмоциональным голосом сообщает ребёнку, что тот остаётся жить в новой семье.

— Нет! Нет, я не хочу! — Малыш замер в оцепенении, а в следующую секунду отчаянно закричал: — Я не останусь здесь! Я пойду с тобой!

— Я больше не могу брать тебя с собой, — безжалостно отчеканил Алекс, стремясь разом оборвать все надежды. — Наш совместный путь окончен. Ты должен остаться здесь, другого выхода нет.

— Пожалуйста, не надо! Не бросай меня! — Из огромных глаз маленького Чжо Ланя хлынули слёзы. Вцепившись мёртвой хваткой в рукав опекуна, он отчаянно зарыдал: — Я буду мало кушать, честно! Я сам буду за собой следить и обещаю никогда-никогда не болеть! Со мной совсем не трудно, только не бросай меня!

Алекс прикрыл глаза.

— Дело вовсе не в этом, глупыш. — Он мягко положил ладонь на взъерошенную макушку мальчика и негромко произнёс: — Ты замечательный ребёнок. Дело во мне. Я просто больше не могу вести тебя за собой.

— Но почему?! — захлёбываясь слезами, воскликнул мальчик.

— Без «почему», — уклонился от ответа Алекс. — Вырастешь — сам всё поймёшь.

— Но я ещё не вырос! Зачем уходить сейчас?! — Чжо Лань затрясся от рыданий. — Ты разлюбил меня? Я сделал что-то не так? Скажи мне, я всё-всё исправлю!

Алекс тяжело вздохнул:

— Нет же, маленький мой, я ведь сказал — ты ни в чём не виноват...

Малыш плакал долго и безутешно.

Он продолжал всхлипывать даже за обедом. Если бы Алекс лично не наполнил его тарелку, ребёнок, верно, вообще бы не прикоснулся к еде. Но даже под мягким надзором опекуна Чжо Лань съел едва ли половину своей обычной порции.

Алекс заметил это. Вспомнив отчаянное обещание мальчика «мало кушать», он мягко подтолкнул к нему тарелку:

— Не нужно этого делать. Тебе надо хорошо питаться, ты ведь растёшь.

Но Чжо Лань лишь упрямо покачал головой и наотрез отказался от добавки.

Взрослые не стали настаивать. Все они думали примерно об одном: ребёнок просто расстроен. Стоит Алексу уйти, пройдет немного времени, малыш освоится, к нему вернуться и прежняя жизнерадостность, и аппетит.

Но какими бы светлыми ни казались перспективы, этот первый день дался им нелегко.

С утра до позднего вечера Чжо Лань ходил за Алексом как привязанный, буквально наступая ему на пятки и боясь выпустить из виду хоть на миг. Опекун лишь беспомощно улыбался, но в его тёплом взгляде, устремлённом на мальчика, сквозила глубокая, невыносимая тоска.

Конечно, маленький Чжо Лань тогда ничего этого не понимал. Зато теперь прекрасно понимал взрослый представитель Кровного клана.

Чжо Лань вновь тихо вздохнул.

В детстве он совершенно не замечал чужих переживаний. Алекс казался ему всемогущим божеством, у которого просто не могло быть человеческих слабостей и сомнений. Позже, когда Чжо Лань подрос, Алекс и вовсе перестал открыто выражать эмоции, окончательно превратившись в безупречного, идеального покровителя.

Какое счастье, что судьба — пусть даже столь причудливым образом — подарила ему возможность вернуться назад и разглядеть детали, мимо которых он когда-то прошёл слепым ребёнком.

Ночью они легли в одну постель. Малыш спал беспокойно, до боли сжав кулачками край дорожного плаща Алекса. Чжо Лань прекрасно помнил этот страх: он до последнего верил, что так сможет удержать опекуна от побега.

Но Алекс всё равно ушёл — тихо, бесшумно, под покровом ночи.

Должно быть, он понимал, что мальчик никогда не отпустит его добровольно, и сознательно лишил его возможности попроситься. Алекс прибегнул к мягкой усыпляющей магии, погрузив ребёнка в глубокий, беспробудный сон, который не смогли бы нарушить никакие шорохи.

В предутренних сумерках Алекс бесшумно поднялся с постели. Он склонился над спящим

мальчиком, оставил едва ощутимый поцелуй на его лбу и застыл, не отрывая взгляда от безмятежного лица. Простояв так пару минут, он резко повернулся и зашагал к двери.

Он не произнёс заветного «прощай». Всё выглядело так, словно Алекс, как и десятки раз до этого, просто встал чуть раньше, чтобы заняться делами, и вот-вот вернётся обратно. Разница была лишь в том, что на этот раз он уходил навсегда.

Связанный узами воспоминаний, взрослый Чжо Лань не мог далеко отходить от своей детской проекции. Он проводил Алекса лишь до ворот усадьбы и долго смотрел вслед, пока его силуэт окончательно не растворился в предрассветном тумане.

А затем вернулся в спальню к маленькому себе. Чтобы сесть у постели и молча ждать.

Ждать, пока растают остатки сонного заклятия, испуганный малыш откроет глаза и захлёбнётся безутешным плачем.

<http://bllate.org/book/19532/1997229>